

Рассказ В. Мироненко

(Об акции "Место действия", 1979)

Когда мы все пришли на поле, я никаких особых, индивидуальных ощущений не испытывал. Ничего еще не происходило - просто собралась группа знакомых и незнакомых людей, которые собирались что-то неизвестное для меня предпринимать.

По очередности я пошел вторым, то есть получилось так, что кто-то пошел до меня, и если для него это была полная неизвестность - потому что он тоже не был предупрежден, что ему придется там делать, то я в качестве уже какого-то последователя не испытывал такой неопределенности. Я уже знал, что человек дошел до того места и ничего шумного, страшного не произошло.

Когда я начал идти по этому полю, то первые 50 шагов, когда я еще ощущал, что за моей спиной стоят люди, я чувствовал на себе их внимание и был как-то с ними связан. Когда я стал уходить все дальше и дальше - причем это было этапами, рывками, потому что я останавливался, мне давали знак и я шел дальше - я постепенно как бы освобождался от влияния этих людей, пропадало ощущение некоторой зажатости и возникало ощущение, что есть только один я и больше никого вокруг нет. Было ощущение огромного простора вокруг - поле было большое, погода пасмурная - она соответствовала такому настроению. Наверное, самое свободное ощущение я испытал где-то посередине, между тем пунктом, откуда я начал идти и тем, куда я должен был прийти - до занавеса.

Затем я снова начал ощущать приближение чего-то живого, материального. Я увидел занавес. Я догадывался, что там есть какой-то человек и что там, дальше в лесу, тоже люди какие-то есть. Я уже как бы опять входил в мир людей - но это все было смутно. Все-таки я испытал удивление, когда открыл занавес и увидел, что он там лежит. Это была странная поза, ракурс - мне даже стало немножко смешно. Потом я сделал все, что полагалось - это было интересно, любопытно, ну и лег в эту яму.

В яме я опять же себя почувствовал - и в еще большей степени - оторванным от всего. Я знал абсолютно точно, что за эти самые 10 минут, сколько я там буду лежать, никто меня не тронет, я могу делать все, что хочу, - не в том смысле, что куда-то там уходить, а просто возникло ощущение полной свободы. На это у меня была установка: я знал, что прошел по полю где-то за 10 минут, следующий, значит, придет не раньше, чем через 10 минут - т. е. в моем распоряжении было 10 минут, чтобы осмыслить то, что происходит. Именно это мне было приятно.

Мне дали книжку "Россия во мгле". Но она как-то совсем не читалась, хотя раньше я ее и не читал. Я пробовал ее читать, но это было совершенно невозможно. Значительно интереснее было не читать эту книжку, а именно находиться в состоянии какого-то кайфа что ли, переживать необычность ситуации, в которой я оказался, необычность положения, в котором я лежал в этой яме - все это было несколько абсурдно.

Когда пришел следующий и начал меня фотографировать, я почувствовал какой-то заговорщический тон в наших отношениях, потому что мы как бы делали одно дело - не в том смысле, что мы занимались каким-то обманом, а именно мы двое делали общее дело, а другие, которые были на той и на другой стороне поля нас совершенно не касались.

Когда я встал из ямы и пошел в "конечный" пункт прибытия, то я опять стал вливаться в общий круг. Однако ощущение было совсем иное по сравнению с тем, что я испытывал, стоя на поле до того, как пройти по нему. Когда я стоял в начале, на первом этапе, то было ожидание, неизвестность. Я не знал, что будет - поле большое, мало ли что там может быть, возможно, там ямы вырыты и я в них упаду - одним словом, приходили в голову всякие глупые мысли. Я не знал, как все получится - удастся или не удастся.

А теперь было ощущение, что что-то уже позади. И сами эти люди уже отличались от тех людей, которые стояли в начальной точке на противоположном конце поля. Они испытали те же ощущения, которые испытал и я, прошли тот же путь и были обременены тем знанием, которым не обладали другие, остающиеся еще на

противоположной стороне поля. Здесь тоже возникало какое-то единство, все иронично улыбались и молчали.

Теперь скажу немного об этом фиолетовом занавесе. Он, кроме того, что естественно отгораживал меня от тех людей на конце поля, которые ничего не знали, еще как бы и служил таким укрытием, саваном, что ли, который меня как бы защищал от тех людей на начальном пункте, которые пребывали в светской атмосфере, смеялись и т. п., т. е. от обычной, ничем не примечательной обстановки. Когда я лежал за занавесом в яме, все это как-то забылось. Во время лежания в яме произошло какое-то выпадение памяти. Я не мог в то время составить никаких конкретных впечатлений, они пришли потом. А в тот момент было хорошо и ничего не хотелось - у меня это редкий момент, когда мне абсолютно ничего не хочется, совсем ничего - пустота вокруг, тишина, небо огромное. Когда на него смотришь снизу вверх, впрямую, то оно со всех сторон окружает - в такой позе редко оказываешься в жизни.

Таким образом происходил процесс как бы постепенного забывания. Когда я пошел, я стал забывать, что сзади меня стоят какие-то люди, что там велись и ведутся какие-то разговоры, все это куда-то уходило по мере того, как я уходил все дальше и дальше. Потом опять, с приближением занавеса возникало какое-то напряжение: за ним что-то есть, не просто же он так. На первом этапе я находился в движении, я уходил, физически освобождался. В яме происходил как бы другой, духовный процесс, работало сознание и подсознание. Там уже ничего не надо было делать - куда надо я уже пришел своими ногами, теперь оставалось какими-то другими органами работать.

Интересно, что впечатление от этого события сложилось именно как жизненное впечатление, как опыт от странного события, но не в ряду впечатлений от произведений искусства.

июнь 1980 г.

